

2008

Дипломант конкурса романов, киносценариев и пьес
«КОРОНАЦИЯ СЛОВА—2008»

Победитель конкурса «Книга года Би-би-си—2008»
украинской службы британского радио Би-би-си

Люко Дашвар

МОЛОКО

С

КРОВЬЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков Белгород

2011

ББК 84.4УКР
Д21

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Авторский перевод с украинского

Дизайнер обложки *Ольга Рудницкая*
Иллюстрации *Андрея Печенежского*

ISBN 978-966-14-1532-3 (PDF)

- © И. Чернова, 2010
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

Пролог

Весной две тысячи седьмого в роскошных лондонских апартаментах бизнесмена, а следовательно, и политика Алексея Ордынского разыгралась патриотическая драма. Дочь Руслана — умница-красавица (IQ зашкаливает!) и вообще чрезвычайно стильная штучка — пожелала родной земли.

— Леша, купи ей родной земли! — не меня выражения лица, чтобы не испортить результатов пластической операции, попыталась пошутить жена Ордынского Елена.

— А это идея! — загорелась барышня.

— Что ты там забыла? — буркнул отец.

— Построю гольф-клуб или приют для животных. — Мечты обретали реальные очертания.

— Это можно сделать где угодно! В Испании или тут, в Лондоне. Я спросил, что ты забыла в Украине?

— Любовь...

Родители переглянулись — ребенок, что с нее взять?! В свои шестнадцать они тоже болели максимализмом и любовью к Отчизне. Хорошо, что капиталы Ордынско-го позволяют найти более привлекательные альтернативы причудам Русланы.

— Самостоятельности захотела? — уколол Ордынский единственное любимое дитя. Спрятал пряник, вспомнил о кнуте. — Так попытайся любить Отчизну на расстоянии. Чем не испытание для взрослого человека? Непростая задачка, скажу тебе. Я сам...

— Папа... Ты меня не слышишь! — В глазах Русланы загорелись огоньки откровенного неприятного удивления. — Хватит решать за меня. Я стремлюсь самостоятельно добиться всего, чего пожелаю.

— А такое существует? Существует что-то, чего у тебя нет? — напомнил отец о собственных заслугах в сладкой дочкиной жизни.

— Шантажируете? Я тоже могу! — ошеломила родителей барышня и на два дня испарилась из дома.

На третий день полиция привела перепуганных до смерти супругов Ордынских в запущенный ночной клуб, и тяжелые силиконовые уста госпожи Ордынской не удержались вместе, потому что как увидела матушка доченьку в задней комнате клуба на полу среди десятка неформалов, так у нее челюсть и отвисла.

— Руслана! — Ордынский горько вздохнул и попытался поднять дочку с пола.

— Подожди! «Рояль»... нужно... проглотить, — отмахивалась Руслана и все старалась пошире раскрыть рот.

— Что это? — спросил Алексей у доктора, которого срочно вызвали к дочери.

— Галлюциногенные грибы, — сказал тот и вежливо улыбнулся. — Не волнуйтесь. С ней все будет хорошо.

— Господи, как же меня раздражают их бесконечные «все будет хорошо»! — заломила белы руки Елена, когда доктор ушел.

Руслана открыла глаза и упрямо проговорила:

— Я перепробую все лондонское дерьмо! И буду делать это до тех пор, пока вы не отпустите...

— Пусть едет! И ты с ней! Присмотришь, — пробормотал Алексей жене ночью и натолкнулся в темноте на глиняную маску, которой Елена всегда покрывала личико перед сном, да иногда засыпала раньше, чем нужно было смыть глину.

— У меня процедуры, — отрезала жена. — А сам?

— Дела...

— Отправим с ней охранника. Двоих! — предложила жена, отковыривая от лица куски глины.

— Трех! — решил Ордынский.

— Четверых! — настаивала заботливая мать. Добавила: — И купи ей земли, в конце концов! На семнадцатилетие. Отличный повод. Ты подумай: бриллианты теряются, машины разбиваются, а земля — что бы Руслана ни придумала — останется. Со временем ее можно будет продать дороже. Пусть ребенок поиграет в самостоятельность.

Следующим утром родители уселись у постели дочери и торжественно объявили: на день рождения, в августе, Руслана сможет выбрать и купить себе участок земли. В Украине. Выбирать поедет сама. С охранником. Двумя... Тремя...

— Четырьмя! — напомнила Елена мужу и спросила дочку: — Ты довольна?

Девушка подпрыгнула на постели, расцеловала родителей.

— Мечты сбываются, нужно только не сдаваться и не опускать рук! — И это на полном серьезе. — Я выберу место недалеко от города — романтический, почти шевченковский пейзаж, песни, легенды... И сделаю там... — неожиданно рассмеялась. — Еще не решила, но знаю точно: в этом несовершенном мире станет больше гармонии. Вот увидите!

— А как же Том? — осторожно поинтересовалась Елена.

— А Интернет зачем? — ответила Руслана, вспомнив, как долго уговаривала аристократа Тома отвести ее в самую отвратительную клоаку, чтобы насолить предкам.

В начале августа барышня с наивными детскими воспоминаниями десятилетней давности и четырьмя охранниками прибыла в Украину и лоб в лоб столкнулась с мечтой. День — бросить вещи в родительской квартире в центре города, второй — поблагодарить папиного партнера за «ауди» с водителем, а на третий — за дело!

За неделю Руслана осмотрела все городские окраины в компании охранников и бодрого агента по недвижимости. Ей непременно нужен был земельный участок в пяти, максимум в десяти километрах от города, потому что углубляться на сто барышня не собиралась, даже ради мечты.

— Ну... Уж и не знаю, что вам предложить... — удивлялся агент по недвижимости причудам юной клиентки. — Разве что Ракитное... Наше агентство в свое время выкупило там один очень любопытный объект.

«Ауди» добралась до Ракитного в полдень. Руслана вышла из машины, огляделась и загрустила: от обочины

асфальтированной дороги в степь тянулись новостройки, масштабами и дурной архитектурой похожие на декорации к фильму в стиле хоррор, а среди них, как старухи среди пафосных старлетов, жались друг к другу несколько старых сельских хат.

— Что это? — поразилась девушка.

— Было село. Но скоро превратится в коттеджный городок. Очень... Очень перспективное место! Вы только вдумайтесь: откроете гольф-клуб — клиенты рядом! Пожелаете с животными цацкаться — они вам своих Шариков подкинут. — Агент показал на новостройки. — И вообще... В народе говорят: не покупай дом, покупай соседей. Вы понимаете? Тут очень... очень уважаемые соседи.

— И что здесь продается? — застряла в миноре Руслана, и агент повел ее по улице к двум старым хатам, одна почти напротив другой.

Сначала барышня вошла во двор большого, перестроенного дома со старой вишней под окном и сухим сиреневым кустом за забором.

— Тут земли — шестьдесят соток, огород выходит в степь, — накручивал агент. — А степь — то есть поле — можно арендовать. Хоть гектар... Хоть десять...

Руслана скептически надула губки.

— Мне хотелось, чтобы место было романтичным... Понимаете? Окутанным легендами.

— Есть легенда! Есть! — оживился агент. — Спросите кого угодно из местных. За селом два ставка. То есть... Бывших ставка. Лет сто назад прекрасный юноша полюбил прекрасную девушку, но родители... Жестокие родители были против, и тогда юноша заплыл на самую середину ставка и утопился.

— А она, конечно, утопилась во втором ставке? — еще более скептически предположила Руслана.

— Конечно! — серьезно ответил агент. — И после этого ставки заросли камышом, превратились в болота. Говорят, будто бы влюбленные не хотели, чтоб искали их тела...

— Их не нашли?

Агент почуял слабину.

— Нет! И с того времени... С болот, — выдумывал он поспешно, — слышится прекрасное пение...

— Пение? Какая ерунда! — Барышня вмиг потеряла интерес к фольклору.

Агент вздохнул — перебор!

— А вторая хата? — командовала Руслана. — Хочу посмотреть вторую хату.

Вышла со двора, стала на улице под сиреневым кустом, мол, показывайте, куда идти. Агент смутился, показал на хату с большой старой лавкой у забора.

— Относительно легенд... Ту, другую хату смотреть не советую. Там произошло кровавое, страшное, зверское убийство. Несколько лет тому назад. И с того времени хозяйка как ни старается, а хату продать не может. Суеверные люди говорят: в ней живет какой-то дух, связанный с... Не припомню точно, но с какой-то страной — не то Францией, не то Бельгией...

— Господи! Что за чушь! — оборвала его Руслана и уже сделала шаг на раскаленный асфальт, как вдруг в конце улицы появился мощный мотоцикл, промчался мимо компании, обдал всех горячей пылью и остановился возле хаты, которой агент только что пугал Руслану. С новенькой «хонды» соскочил парень в шлеме и пошел во двор.

— А это что за... — Руслана отряхивала пыль с новенького платья от Стеллы Маккартни и возмущенно смотрела на хозяина «хонды». — Нахал!

— Не обращайтесь внимания! Не обращайтесь! — заволновался агент. — Парень — не из местных. Случайный гость. Вообще-то люди здесь очень гостеприимные.

Руслана обернулась к хате с сиреневым кустом.

— Не могу объяснить... Но это место напоминает мне о чем-то кровном... Наверное... Наверное... Я остановлюсь на этом доме.

Агент просиял:

— Выбор сердца! Прекрасно! Прекрасно! Сердце всегда улавливает невидимые информационные потоки Вселенной, влияющие на нашу жизнь.

— Еще скажите, что курица, которая лет шестьдесят назад греблась на этом дворе, тоже повлияла на мою жизнь! — отрезала Руслана.

Глава 1

Румынка и немец. Ясное утро

Всему виной — курица-пеструшка. Крутилась бы около петуха, не лезла бы в кусты — и, может, все сложилось бы иначе. А так... Еще покойная баба Параска была нелогично лояльной к пеструшкам — все они умирали своею смертью, вместо того чтобы с перерезанным горлом в кастрюле вариться. Что она о них такого особенного знала?

Тем летним утром солнце словно заблудилось — все не всходило, и беспокойные куры во дворе вдовы Орыси только напрасно суетились, стараясь наугад отыскать что-нибудь съедобное. Хозяйка выпустила их в серый туман на рассвете, а сама хозяйничала в доме и во двор не выходила.

Пеструшка — рыжая с черным и белым — бросила бессмысленное дело, заторопилась в смородину и аж шею вывернула — ты глянь: в траве под кустом краснеет большая

гладкая, как отполированная, ягодка. Не иначе вишня-черешня. Пеструшка немедля клюнула находку — и куда-кудахнула от боли: красная приманка оказалась твердой, как камень. Пеструшка не сдалась. Крутанула головой, словно сто кур со всех сторон уже мчались отбивать у нее красное сокровище, и снова клюнула — мое!

Тем временем вдова Орыся с миской в руках вышла на порог, улыбнулась восходящему солнцу. Тихо... Пятый год тихо, нет войны, а она вот каждое утро выходит на порог и прислушивается, словно мир вдруг может потемнеть от дымных пожарищ и будет бить черным в глаза, уши заложит от грохота близкого боя и она изо всех сил будет стараться услышать что-то важное и спасительное, но так и не услышит, сгинет, а ей же никак нельзя — маленькая Маруся в кровати сладко сопит, на кого ее... Тихо... Пожить бы... Осенью — двадцать шесть, коса — как кнут, руки сильные, глаза не погасли, сердце счастья просит. Тихо... Вроде тихо...

И пошла к кормушке.

— Цып-цып-цып...

Куры заспешили за женщиной, только пеструшка упрямо долбила клювом красную находку под смородиной.

— А ну все до одной ко мне!

Кур пересчитала, оглянулась — что там пеструшка под кустом нашла? Отогнала. Под смородиной присела.

— Это ж надо... — улыбнулась, красную ягодку-бусинку из травы вынула, росу обтерла, на раскрытую ладонь положила. — А я и не надеялась...

Бросила бусинку в карман. И пошла в дом.

В открытое окно заглядывало любопытное солнце, словно спрашивало Орысю — и как ты тут поживаешь? А она бы каждому в первую очередь диван и шкаф показала.

Диван кожаный, спинка с резной деревянной полочкой и зеркалом. Даже немцы с румынами, когда в войну в Орысиной хате на постое были, и те языками цокали — мол, до чего же изысканный диван завелся в обычной сельской хате. Рядом с диваном — шкаф платяной. Тоже с зеркалом во весь рост. Орыся две жизни горбатилась бы без передыху, а все равно на такую роскошь не заработала бы. Все — бабушкино, царство ей небесное.

Еще есть стол. Сама из досок сколотила. Два табурета и кровать с панцирной сеткой.

Орыся вошла в комнату, достала из шкафа коробку из-под конфет, присела к столу, положила коробку перед собой, чему-то улыбнулась и осторожно сняла с коробки крышку.

— Вот это было бы мне счастье, если бы не горе... — Язык прикусила и на кровать — глядь: не разбудила ли доченьку ненароком?

На кровати сидела маленькая Маруся, терла кулачком черные глазенки, смотрела на мать.

— А что это ты, Маруся, глазки трешь? Приснилось, доченька? Иди-ка к маме... Поцелую — и все пройдет...

Маруся молча сползла с кровати, ступила шаг-другой к столу, в открытую коробку глянула и замерла — вот так диво дивное, краса невиданная, мечта чудесная...

— Что это ты? — Орыся ей снова. — Да иди уже...

А Маруся словно и не слышит. Зачарованно — на коробку открытую, а там — рассыпанные красные бусинки коралловые. Откуда такое сокровище? Только мама уйдет «на буряки» — так Маруся всё-превсё в доме перероет, но эту коробку ни разу не находила.

К столу подошла, рядом с мамой на табурет уселась, а глаз от бусинок отвести не может. Одним пальчиком

к бусинке потянулась, дотронулась и наконец улыбнулась, на маму зыркнула — мол, не исчезли, настоящие-пренастоящие!

— Бабушкино намысто¹, — мама говорит. И выкладывает бусинки из коробки на стол, нитку длинную с катушки отматывает. — Однажды нитка разорвалась, бусинки и раскатились, растерялись. Словно счастье отобрали.

Ладонью мозолистой бусинки накрыла. Маруся тоже ладошку на бусинки положила, прислушивается. А мама продолжает:

— Э, нет, — думаю... Нужно счастье назад в кучку собирать. Почти все бусинки нашла, а одну — никак... А сегодня...

Усмехнулась. Из кармана найденную бусинку достала.

— Пеструшке спасибо. Вот хотела ее сегодня зарезать, а теперь — пусть живет.

И бусинки — на нитку: клац-клац-клац. Маруся подбородком в стол уперлась, с бусинок глаз не сводит. Мама работу закончила, нитку завязала.

— Будет намысто. Бабушка говорила — кто кораллы у сердца хранит, того ночью звездочка согреет. Может, и мне теперь...

Только намысто к шее поднесла, а тут куры во дворе как загалдят. Орыся намысто на столе оставила и к окну:

— Куда? А ну кыш! Пошли! Пошли...

От окна да к двери:

— Ох проклятые куры!

Выскочила — стук! Белый свет погасила. Остались только бедная комнатка с изысканным кожаным диваном и зеркальным шкафом, маленькая Маруся у стола, а на

¹ Намысто — бусы (укр.).